

гул цитируются наблюдения 1773 г. академика И. Г. Георги: «...они совершенно русские крестьяне и будучи весьма склонны к пьянству, празднуют, когда есть деньги, все русские праздники» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 6 – ссылка на источник отсутствует]. К сожалению, это замечание уважаемого академика применимо и к современным аборигенным народам Северной Евразии (ханты, манси, чукчи и т.д.), которые, не теряя своего этнического самосознания, попали под негативный пресс цивилизационного молоха, уничтожающего традиционную культуру первобытной периферии. Интересны взгляды И. Г. Остроумова на чусовских вогул, которые он проецирует на все ясачное население Кунгурского уезда: «Я не согласен, чтоб поселения вогулов доходили до Чусовой, где их как будто видели первые путешественники за Урал. Я полагаю, что вогулами в данном случае ошибочно названы какие-либо другие племена, по всей вероятности татарские. Такие ошибки официально санкционированные существуют и сейчас, а прежде были неизбежны... Вероятно, обрусевшие уже вогулы (*чердынские*, по И. Г. Остроумову), но сохранившие право платить ясак и положили основание якобы вогульским поселениям в Кунгурском и Красноуфимском уездах, а в Ирбитском уезде “иленские” татары попали в “вогулы” из ясака, которым они платили свои подати, давно уже покупая шкурки зверей для этого на Ирбитской ярмарке» (примечание наше. – А. М., Г. Ч.) [Остроумов, 1904, с. 161, 164]. Мы приводим этот отрывок из работы И. Г. Остроумова для того, чтобы показать, что в историографии XIX в. существовало мнение и о миграции христианизированных манси в другие районы Пермской губернии, а также о достаточно непростом этническом содержании ясачного населения в ее южных пределах.

Авторы книги ссылаются на работу И. Н. Смирнова «Пермяки», изданную в Казанском университете в 1891 г., в которой ученый приводит «множество свидетельств пребывания угров в Прикамье на основе документов Пермского и Вологодского краев» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 6], но какие-то определенные свидетельства И. Н. Смирнова в тексте монографии не раскрываются. Авторы не посчитали целесообразным внести столь важный для поддержания «угорской» концепции источник в общий библиографический список своего труда [Там же, с. 279]. Между тем в приведенном авторами отрывке И. Н. Смирнов определяет обитание вогул в пределах восточной части Пермской губернии по р. Колве, Вишере, Яйве, Косье и Чусовой, в предгорных районах, в которых манси всегда и обитали. Никаких данных о проживании вогул в равнинной части Верхнего Прикамья И. Н. Смирнов не приводит [Смирнов, 1891]. Таким образом, данный труд ничего не дает в плане обоснования проживания угров в верхнекамской долине в эпоху раннего средневековья.

Авторы некритично используют данные такого позднего источника, как «Повесть о стране Вятской» (XVIII в.), ранние известия которого ряд исследователей считали недостоверными – П. Н. Луппов, А. В. Эммануэльский, А. Ф. Трефилов [Оборин, 1990, с. 64]. В виду этого указание о «чепецких уграх» в Толстовском списке документа – «и дошедши реки Чепцы и вниз по ней плывуще пленяюще остяцкие жилища» неправомерно – ссылок на источник, как обычно, нет [Труды..., 1905, с. 22–52]. Это объясняется тем, что в Миллеровском списке источника, в том же тексте названы не «остяцкие» жилища, а «отяцкие»: «...и дошедшее реки Чепцы и вниз по оной плывуще пленяющее отяцкие жилища...» [Там же, с. 23–53]. В источнике, как видно, полностью доминирует этноним «отяки»: «...отяки и чудь набегаючи со стрелами и оружием и много селитвы разоряющее и пленяющее» [Там же]. Таким образом, чепецкие «остяцкие» жилища можно квалифицировать как «отяцкие», т.е. удмуртские. Кстати, в капитальном труде П. Н. Луппова, подынявшем огромный пласт источников о христианизации языческого удмуртского населения XVI–XVIII вв., никаких остяков нет. В источниках фигурируют «вотяки, отяки, черемисы, татары» [Луппов, 1999].

Авторы вводят в научный мир настоящую мифологему о вятских «вогуличах». Они используют для этого, как и в случае с «осколками бывших племен косьвинских вогуличей», краткие и невнятные известия 1772 г. префекта Вятской духовной семинарии Платона Любарского. В своем сочинении о событиях 1739–1742 гг. «Любопытное известие о Вятской епархии и бывшей в ней архиреях» он пишет, что «в бытность на Вятке Вениамина великое число варварских народов в епархии его жительствовавших, яко вотяков и вогуличей, тщанием его крестились и многие тщанием его для них построены церкви и часовни». Это и есть единственный источник, якобы свидетельствующий о вятских вогуличах. Правда, авторы не стали приводить высказывание П. Н. Луппова об этих известиях: «Так как автор писал на основе *преданий* современников, то поэтому сообщаемые им сведения не отличаются точностью. На самом деле при Вениамине вотяков крестилось не более 3 тыс., и построена только одна церковь...» (курсив наш. – А. М., Г. Ч.) [Там же, с. 50]. Создатели

главы оперируют этнонимом «вятские вогуличи», ссылаясь на работу А. Ф. Теплоухова, который опирался на какие-то редакции загадочной Усть-Вымской летописи. К сожалению, такой летописи ни один историк XIX–XX вв. не видел. Если авторы найдут точные ссылки на этот источник, где говорится о «вятских» вогуличах, мы им будем очень благодарны. В авторитетной Вычегодско-Вымской летописи нет известий об этих загадочных вятских манси. В ней выступают только «вятчане», например под 1450 г. «Приступая вятчане к владычно городку, а взять не взяли, постояв на месте Копанец, зовемый Вятский луг» [Вычегодско-Вымская летопись, 1958].

Но авторы книги, воодушевленные недостоверными известиями Платона Любарского, нашли им нишу в позднесредневековой истории Приуралья, о которой не подозревал даже такой видный знаток вятских древностей, как А. А. Спицын [Спицын, 1889, с. 39–56]. Отсюда появляются населенные пункты возле города Вятки с названием Вогульцы, правда ссылок на их местонахождение, как и на сами источники, где они упоминаются, авторы не приводят. Подобные топонимы имеются в восточных районах Кировской области, граничащих с Удмуртией (бывший Слободской уезд Вятской губернии) – Вогульцы, Малые Вогульцы, Вогули. Именно с этими топонимами создатели книги связывают события второй половины XV в. и раскрывают новые неизвестные запутанные страницы древней истории региона. Они пытаются полемизировать с мнением В. В. Напольских, высказанным им в одной из статей: «Появление таких названий совершенно естественно, так как пелымские вогуличи действительно жили в Вятской земле, например, в 1467 г. после похода вятчан и пермяков на Пелым. Пелымский князь Асыка был взят в плен и приведен на Вятку... Есть множество сообщений о совместных военно-разбойничьих экспедициях вятчан и вогуличей на Устюг и др., что свидетельствует о наличии между ними союзнических отношений, которые, надо полагать, подкреплялись взаимными визитами, наличием послов, аманатов и т.д. При чем здесь смена угров удмуртами» [Напольских, 2002, с. 91]. Приведем эти образные полемические размышления авторов полностью: «Относительно приписывания населенных пунктов с названием Вогульцы возле города Вятки наследию пелымских вогул, приведенных сюда после похода вятчан на Асыку, отметим, что вряд ли войско вятчан и пермяков (чердынцев) в составе 120 человек могло привести в полон достаточно много вогул, и вряд ли русское население Вятки оказалось столь комплиментарным, чтобы дало возможность вогулам основать свои поселения в этой земле. Тем более, что письменные источники, описывая пресловутый поход 1467 г., на который нравится ссылаться критикам М. Г. Атаманова (например, Вымско-Вычегодская летопись), сообщают, что “поиде вятчане на вогуличи да с ними пермяне из Чердыни, вогулич воевали и князя их Асыку в полон взяли да от Вятки упустили”. Интересно, как это “упущенный” от Вятки пелымский князь с некоторым количеством воинов-соплеменников умудрился основать в Вятской земле несколько поселений и наплодить там много потомков, так, что часть из них отселилась затем в окрестности Усть-Выма, а другая часть была в первой половине XVIII в. обращена в христианство трудами Вятского епископа Вениамина?» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 12]. Для нас непонятно, для чего приведена столь обширная сентенция. Подобным образом, возможно, авторы хотят доказать, что вогульское население здесь является исконным и существовало до прихода «отяков». Но как тогда этот взгляд согласуется с этнонимом «вогул», который появился в источниках только в начале XV в.?

Увы, нет ссылок на источники и на работы неизвестных нам оппонентов М. Г. Атаманова. В «пресловутом» походе 1467 г. участвовало 120 человек вятчан, а сколько было в составе отряда пермяков, источники не сообщают, но не исключено, что их было больше. Даже 300 хорошо вооруженных людей представляли серьезную силу для борьбы с вогулами, которые, судя по героическим сказаниям, могли выставлять воинские контингенты в 50–300 чел. в зависимости от силы князя [Бахрушин, 1935, с. 12]. Скорее всего, пелымский князь Асыка мог располагать отрядом воинов до 300 чел. и его в 1467 г. разбили и пленили союзные войска Вятки и Перми Великой. Это событие отражено во многих летописных сводах, в частности в Устюжском [Устюжский..., 1950, с. 86]. Остальные полемические фантазии о «”комплиментарности” вятчан» и о расплодившихся «потомках Асыки и его воинах» оставим на совести авторов. Во всяком случае, гипотеза В. В. Напольских опирается на малочисленные, но реальные известия источников о пребывании вогулов в Вятской земле, чего не скажешь о надуманной «угорской» прародине в Прикамье.

В работе нет ссылки на карту Николая Витсена (1641–1717), который опубликовал свой труд не в 1663 г., а в 1687 г. На этой карте видим, что часть этнонима вогулы представлена в верховьях Вычегды [Атлас..., 2006, с. 282]. Но, учитывая уровень точности картографии того времени, к этим

данным надо относиться осторожно. Кстати, сюжет о карте Витсена и вогуле Сейлапове, а не Сейпалове, заимствован у А. Ф. Теплоухова [Теплоухов, 1960, с. 271, 273]. Между тем крупный исследователь истории коми-зырян Л. Н. Жеребцов не знает источников о продаже в 1732 г. вогулом Сейлаповым своей вотчины в верховьях Вычегды крестьянам Мылвинское волости, которую упоминает А. Ф. Теплоухов, ссылаясь на редкую статью Мельникова, опубликованную в «Известиях Русского географического общества» в 1852 г. [Там же, с. 271]. К сожалению, мы также не знакомы с этой статьей. Авторам главы следовало бы дать ссылку на источник, которым пользовался Мельников. Однако данные о том, что вогулы жили на Верхней Вычегде, истоки которой обращены к бассейну р. Печоры, не являются уж столь неожиданными. Они давно известны исследователям: «Письменные источники свидетельствуют, что даже в XV в. поселения коми по Вычегде выше впадения р. Сысолы не поднимались. Притоки Вычегды – реки Локчим и Вишера использовались только в промысловых целях» [Лаишук, 1972, с. 60]. Район верхней Вычегды в XV в., по Л. Н. Жеребцову, «служил охотничьим угодьем для печорских манси, которые неоднократно... совершали набеги на крестьянское население Нижней Вычегды». Освоение верховьев р. Вычегды крестьянами коми начинается во второй половине XVI в. [Жеребцов, 1982, с. 75, 76].

Создатели главы крайне легко обращаются с условными демографическими данными, пытаясь доказать, что малочисленность коми-пермяков в Перми Великой второй половины XVI – XVII в. является «косвенным, но весьма ярким показателем относительно недавнего появления финно-пермского населения в Предуралье» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 7]. Следуя течению мысли создателей рецензируемой книги, можно подумать, что до «мифического обретения» коми-населением новой родины в Верхнем Прикамье здесь жили многочисленные племена «великих угров», которые возводили сияющие изобилием протогорода [Белавин, Старков, 1997]. Однако, скорее всего, население, занимавшееся рискованным земледелием и животноводством все же оставалось численно стабильным.

Возьмем классическое позднеломоватовское время в Пермском Прикамье (VII–IX вв.), которое считается авторами апофеозом «угорской» культуры в этом регионе. За все годы, включая новейшие исследования, изучено до 1300 погребений этого времени. По данным В. П. Алексева, в первобытных обществах «продолжительность жизни была незначительной, а смена поколений осуществлялась быстрыми темпами. Основной демографической ячейкой для периода разложения позднеродовой общины... была, следовательно, популяция, состоявшая преимущественно из трудоспособных членов коллектива, с малым процентом стариков и высокой детской смертностью». Условную продолжительность жизни исследователь определял в пределах 25 лет [Алексеев, 1988, с. 311–313]. Численный состав общин в период разложения позднеродовой общины варьировался в пределах от несколько десятков до 300 чел. [Куббель, 1988, с. 169].

В Верхнем Прикамье известно до 10 крупных позднеломоватовских некрополей. Наиболее изученным до сих пор памятником является Агафоновский I могильник, где вскрыто 377 погребений [Голдина, 1985, с. 29]. Предположим, что в каждом некрополе захоронено до тысячи человек. Хронологический диапазон позднеломоватовских могильников достигает до 300 лет, следовательно, они включают 10 поколений погребенных. Отсюда средняя численность позднеломоватовской общины достигала в одно поколение не более ста человек и всего в Верхнем Прикамье, основываясь на материалах крупных позднеломоватовских некрополей, могло обитать до тысячи человек в один хронологический период. Учитывая мелкие некрополи этого времени, включая и не найденные еще погребальные памятники, мы можем довести число раннесредневековых жителей Верхнего Прикамья от силы до 3 тыс. чел. в единый хронологический период. Так что демографические расчеты авторов книги никоим образом не могут служить «косвенным», но весьма «ярким» показателем многочисленности псевдоугорского населения в Верхнем Прикамье в эпоху раннего средневековья. Отсюда приблизительные подсчеты В. А. Оборина количественной численности населения родановской культуры (до 4,5 тыс. чел.) вполне корректны [Оборин, 1990, с. 46]. Кстати, авторы заблуждаются, полагая, что это число В. А. Оборин соотносит с русскими источниками XVI–XVII вв. Перепись Яхонтова 1579 г. полностью не сохранилась, и подсчитывать число населения Перми Великой во второй половине XVI в. было невозможно, в отличие от сохранившихся переписей конца XVI в. в Перми Старой, на которых и базировались выводы Н. П. Воскобойниковой при подсчете населения Пыльчегодья. С подсчетами В. А. Оборина согласны и сыктывкарские исследователи, которые, «принимая во внимание более суровые условия вычегодского бассейна и значи-

тельное меньшее количество археологических памятников в этом регионе по сравнению с Прикамьем», предположительно определяют численность предков коми-зырян в пределах 3–4 тыс. чел. [Жеребцов, Королев, 2000, с. 4, 5]. Таким образом, этот демографический факт, свидетельствующий «о локализации исторической прародины пермян как таковых» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 7], в Пovyчегодье снимается. Следует отметить, что в переписях Перми Великой этническая принадлежность населения не указывалась. Наличие городов, городков и острожков на территории Верхнего Прикамья, в отличие от Пovyчегодья, явно свидетельствует о том, что здесь коми-пермяцкое население в результате миссионерской деятельности монастырей быстро христианизовалось и русифицировалось [Мельничук, Коренюк, 1996, с. 163].

Приведем еще некоторые примеры по поводу исторической демографии. Возьмем исконную территорию таежных угров (ханты и манси) Западной Сибири и посмотрим количественный состав аборигенного ясачного населения на этой территории, в несколько раз превышающей территорию Перми Великой. З. П. Соколовой по записям метрических книг за разные годы XVIII–XIX вв. определено количество «ханты-мансийского населения» в Березовском, Тобольском, Сургутском, Туринском уездах. Всего она насчитала на этой огромной территории 20.631 чел. Это притом, что записи метрических книг учитывались за разные годы двух веков [Соколова, 1983, с. 167–316]. Отсюда мы можем сделать вывод, что в единый хронологический период в этих обширных уездах могло обитать до 10 тыс. чел. «ханты-мансийского» населения. По ряду источников в Тобольской губернии в первой половине XIX в. вогул насчитывалось 5400 чел. [О местах..., 1889, с. 5]. В связи с этим достаточно объективны положения екатеринбургских исследователей, констатирующих, что «численность вооруженных формирований западносибирских народов не могла быть большой, это обуславливалось очень малой плотностью населения...» [Зыков, Кокшаров и др., 1994, с. 58].

Обидевшись на резкую, но совершенно справедливую критику В. В. Напольских, посвященную «угорским» построениям в топонимике Восточной Европы [Напольских, 2002, с. 42; Напольских, 2007], авторы перешли определенный «теоретический Рубикон». Они сформулировали удивительный тезис, согласно которому «в иерархии этнических признаков языку, в отличие от материальной культуры, принадлежит одно из самых последних мест. Любой этнолог и историк назовет народы, обладающие единством этноса, единой материальной культурой, но имеющими несколько языков» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 11]. Но авторы почему-то не дали примеров традиционных этнических общностей, в которых жили полиглоты. В то же время, принося значение языка в этнической системе, авторы для обоснования своей «угорской» концепции активно обращались к толкованию топонимистического материала. К сожалению, они не учли правило специалистов по палеотопонимике: «...прежде всего, необходимо исключить возможность какой-либо предвзятости в истолковании языковой принадлежности географических названий. Если задаться целью объяснить все названия из какого-то определенного языка, то можно быть уверенным, что, в конце концов, какая-то часть топонимов получит объяснение, хотя оно и не будет соответствовать истинному положению вещей» [Глинских, 1983, с. 5]. К сожалению, авторы не придерживались этих принципов, что и привело их к конфузным построениям.

Мы не будем больше комментировать статью О. В. Поляковой, в которой делается вывод о том, что «названия мелких и средних географических объектов до перехода в их записанное состояние могут сохраняться в устной памяти нового населения на протяжении всего лишь нескольких поколений (250–300 лет), что можно косвенно указывать на относительно недавнее пребывание (400–500 лет назад) достаточно крупных массивов угорского населения на территории Приуралья» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 8; Полякова, 2001, с. 55]. Создатели книги, как и О. В. Полякова, не объясняют читателям, откуда они вывели столь четкие временные диапазоны. Хотя, по мнению профессиональных топонимистов, дело обстоит как раз наоборот: «Наиболее живучи имена крупных объектов. Мелкие объекты чаще теряют свои имена, их номинация происходит неоднократно, в том числе одноязычным населением» [Малолетко, 1992, с. 38]. Работать с текстом, посвященным анализу топонимистических данных, весьма затруднительно. Например, авторы используют точку зрения А. К. Матвеева, изложенную в его давней статье, где он определяет гидронимы на *-им*, *-ым* как угорские [Матвеев, 1968], игнорируя его новую точку зрения на эти гидронимы, в которой он отказывается как от их угорского, так и финского происхождения и называет их загадочными [Матвеев, 1997, с. 9–10].

В связи с этим, чтобы не разбирать ономастические взгляды авторов, мы отсылаем их к рабо-

там В. В. Напольских, которые на сегодняшний день нам представляются лингвистически наиболее аргументированными [*Напольских*, 2002, с. 42; *Напольских*, 2007].

Все построения авторов книги, основанные на использовании редких «угорских» топонимов в Верхнем Прикамье, гасятся преобладающими географическими названиями с пермской лингвистической основой, в первую очередь гидронимами крупных рек с окончанием на *-ва* или названиями поселений с окончанием на *-кар*, *-горт*, *-ыб* [*Оборин*, 1976а, с. 22–29]. Кстати, используя методику авторов, мы имели бы полное право доказывать, что вся Западная Сибирь была исконной пермской территорией, осваиваемой коми-населением совместно с дружественными самодийскими племенами – Лозьва, Неромкар, Искер – Искар, Сосьва, Нейва и т.д. Создатели книги, определяя, что этнонимы, связанные с вогулами и остяками, есть доказательство проживания «угров» в западной части Приуралья начиная с раннего средневековья, забывают, что в Сибири имеется намного больше этнических географических названий, связанных с пермскими народами, – Зыряново, Пермьяково, Вотьяково, Пермитиново и т.д. Почему пермские «автохтонисты и националисты», по очень меткому определению авторов [*Белавин, Иванов, Крыласова*, 2009, с. 15, 16], не могут использовать эти данные для отстаивания своей позиции о расширении раннего жизненного ареала предков народов коми и удмуртов в эпоху раннего средневековья на территорию Западно-Сибирской низменности? Большинству исследователей давно ясно, что появление этих поздних этнонимов на географической карте есть результат миграционных процессов, протекавших в сложный период русской колонизации Урала и Сибири [*Оборин*, 1990, с. 131–136].

Чрезвычайно наивны представления авторов книги о преданиях, связанных с «чудью и чудачками». Они естественно связывают «чудь» с ушедшими в историческое небытие раннесредневековыми «уграми» Среднего Приуралья: «Интересно, что на всей территории Русского Севера, на которой лингвисты отмечают присутствие угорской субстратной топонимии, также распространены и легенды о “чудском народе”, предшествующем там финскому и древнерусскому населению» [*Белавин, Иванов, Крыласова*, 2009, с. 13]. Авторы ссылаются на коми-пермяцкий фольклор о Кудым-Оше, который, по их мнению, «наглядно демонстрирует позднюю смену финнами какого-то родственного, но все же иноэтнического населения» [Там же]. В ответ мы приведем более раннее известие, чем упомянутый коми-фольклор (фиксация в первой половине XX в.). Оно связано с коми-зырянами второй половины XIX в. и отмечено В. Н. Шишонко: «Страна, занимаемая ныне зырянами, т. е. Усть-Сысольский, Яренский и Мезенский уезды, у самих зырян почитается страной новоприобретенною: они признают себя здесь не старожилами, а пришельцами с юга, именно с Камы, и, указывая на могилы предшествовавших им старожилов, называют этих старожилов *Чудью*» (курсив наш. – А. М., Г. Ч.) [*Шишонко*, 1884, с. 91–92].

По вопросам этнической принадлежности «чуди» существует обширная литература. Это работы В. А. Оборина, Е. Н. Поляковой, А. С. Кривошековой-Гантман (материалы конференции о чуди, проведенной в 1973 г.) [*Оборин*, 1976б; *Полякова*, 1976; *Кривошекова-Гантман*, 1976], П. Ф. Лимерова [*Лимеров*, 1996], Р. А. Агеевой [*Агеева*, 1990, с. 86–116, рис. 3], В. И. Лыткина [*Лыткин*, 1963], Л. С. Грибовой [*Грибова*, 1964], А. К. Матвеева [*Матвеев*, 1960, с. 118], Ю. И. Смирнова [*Смирнов*, 1972], С. К. Белых [*Белых*, 1996] и т.д. Авторы рецензируемого труда, к сожалению, обходят эти работы своим вниманием. Вообще, отсутствие историографической части в монографии – одно из самых слабых ее качеств.

Мы придерживаемся той точки зрения, которую в Прикамье развивает Е. Н. Полякова, что чудью в регионе называли не какие-то конкретные племена и народы определенной территории и определенной эпохи, а древнее дорусское некрещеное население различных исторических периодов [*Полякова*, 1976, с. 131]. Это хорошо проиллюстрировано в царской жалованной грамоте Федора Иоанновича 1597 г., по которой земли по р. Очер в Оханском Прикамье передавались солепромышленнику Никите Григорьевичу Строганову; в ней отмечалось: «...с устей и до вершинь, берега пустые, и леса дикие, и селища чудские заросли...» По берегам р. Очер археологами Пермского государственного университета выявлены только памятники раннего железного века (ананьинская и гляденовская культуры – VIII в. до н. э. – V в. н. э.). Более поздних памятников ломоватовской и родановской культур в этом районе не обнаружено.

Если рассматривать территорию Западной Сибири, то там «чудскую» проблему палеолингвисты связывают с финскими языками. По точке зрения ученых, разрозненные топонимистические данные по северу Западной Сибири связываются с финскими языками – р. Пур из финского

пуро – «ручей». Имена притоков р. Пур – Янг-Енга, Дяги-Енга, Ету-Енга – сопоставимы со многими топонимами севера Восточной Европы на *-еньга, -енга, -оньга, -аньга* [Розен, Малолетко, 1986]. По мнению А. К. Матвеева, эти топонимы финского происхождения и принадлежат заволочской чуди, язык которой занимает промежуточное положение между прибалтийско-финским и волжско-финским языками [Матвеев, 1964]. А. М. Малолетко пытается их связать с загадочными людьми «сииртя» в легендах ненцев, которые и принесли в Сибирь название «Енисея» – «Енивесь – большая вода» [Малолетко, 1992, с. 26].

Бездоказателен тезис о том, что «угорская топонимия в волжской и северной части России по своему распространению достаточно точно ложится на эту часть Великого Волжского пути, и места ее фиксации совпадают с местонахождением археологических объектов, в составе находок с которых имеются средневековые предметы из Пермского Предуралья, иногда достаточно многочисленные и имеющие характер этномаркеров» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 11]. Примеры и ссылки и на этот раз отсутствуют. Суждение базируется на высказывании Е. И. Горюновой, которое носит частный историографический характер: «Угорская теория происхождения народностей Поволжья не была удостоена даже научной критике. Она попросту была забыта» [Горюнова, 1961, с. 41]. К тому же авторы книги не сообщают, что под «угорской теорией» Е. И. Горюнова подразумевала концепцию Д. Европеуса, которая была «дилетантской даже для своего времени» [Напольских, 2002, с. 86]. Это отметила в своей работе Е. И. Горюнова: «Конечно, “угорская” теория Европеуса упрощенно отражает процесс складывания этнических образований. Племена, упоминаемые нашей летописью, были продуктом длительного этногонического процесса... К моменту начала славянской колонизации уже не могло быть ни единого “финского”, ни единого “угорского” массива» [Горюнова, 1961, с. 41]. Кстати, монография Е. И. Горюновой не попала в общий библиографический список книги, что является неуважением к памяти крупного археолога финно-угроведа [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 267]. Как мы увидим в дальнейшем разборе глав рецензируемой книги, связанных с конкретным археологическим материалом, нам представят так называемые «этномаркеры» – классическую посуду и предметы ломоватовской и родановской культур в Среднем Поволжье и на северо-западе Восточной Европы, которые большинство исследователей этих древностей, в отличие от авторов книги, связывают с предками пермского этноса.

Касаясь этнонима «югра», авторы отмечают, что «с этим именем официальные русские источники на протяжении всех последующих столетий связывают угорское население Урала» [Там же, с. 14]. Ссылок на эти официальные источники нет. Странно, но в тексте книги полностью игнорируется полемическая, но наполненная источниками и историографическими сюжетами статья Е. А. Курлаева о Югре [Курлаев, 1994]. Мнение молодого кандидата наук Г. Дьени, написавшего историографическую диссертацию «Протovenгры на Урале в I тыс. н. э.», ничего нового в локализацию и этническое определение народа «Югра» не вносит [Дьени, 2007].

Сопоставление Уйры (Юра) арабских источников и Югры древнерусских источников [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 14], на наш взгляд, относится к занимательной топонимике типа – «страбоновская земля Туле (Тула) и русская Тула», «этруски – этнические русские», «итальянскую Парму построили пермяки». По этой занимательной методике мы узнаем, что название народ Вису (Ибн-Фадлан) связано с мадьярскими терминами «север», а также «вода, поток воды» VIZ VIZ-AR – ER [Там же]. Ссылки при этом отсутствуют. Очевидно, по мнению авторов, в пределах Новгородской области на берегах р. Вишеры, притока р. Волхов, образованной от слияния двух рек Малой и Большой Вишерки, издревле обитали «протоугры». Таким образом, авторы этимологизировали народ «Ису (Вису)» как «северные люди» или «речные люди». По их точке зрения «такая этимологизация вполне реальна, учитывая принципы формирования древнейшего пласта самоназваний. Именно таким путем образован древний этноним венгров “мадьяр” (мадьяр – говорящий человек, люди)» [Там же]. Следуя авторам, известные этнонимы и топонимы авар, хазар, болгар, ар, Сувар, Биляр явно имеют венгерское происхождение. А как быть с Белозерской Весью, которую раньше ассоциировали с загадочной «Вису»? Гидроним «Весь» в финских языках определяется названием «вода» – карельское *вези*, вези; эст. *веси*. Таким образом, никакого отношения мадьяры к народу Вису не имеют [Керт, Мамонтова, 1982]. И совсем странно, что древний гидроним и этноним «Чулман» («Чолман») авторы выводят «из пермских говоров в значении, близком к одной из приводящихся этимологий слова «Ису (Вису)» – «речные люди, племена у струящейся воды» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 14].

Мы приведем, для ономастической определенности, интересные суждения А. М. Малолетко, который пытался разобраться с этимологией названий восточно-сибирских рек Чульман, Чулман, Чульпан, Чульбан: «Известно, что Кама когда-то называлась Чулман (Чолман). Языковую привязку гидронимов Чулман (Чульман, Чулпан, Чульбан) позволяют выяснить дублетные имена Камы. Как сообщает П. П. Семенов, вотяки (удмурты) называли ее Буджим-Кам («белая река»), чуваша Шойга-адиль (то же), черемисы Чолман-вис (из финно-угорских раскрывается вис – «речка»), татары Чолман-идель. По мнению Г. Е. Корнилова, название р. Чулман (Чолман) имеет гунно-булгаро-чувашское происхождение. Если исходить из того, что в низовье Волги, где были названия проток Бол. и Мал. Чулпан, обитали хазары, а на Каме жили булгары, а не чуваша, можно признать за гидронимом Чулман хазаро-булгарское происхождение» [Малолетко, 1992, с. 193]. Таким образом, арабам, после монгольского нашествия в XIII в., разрушенные остатки Волжской Булгарии могли представляться страной «Чолман». Какое отношение этот географический термин XIII–XV вв. имел к раннесредневековой стране «Ису (Вису)» надо еще доказывать.

Любопытны выводы авторов об исследованиях фольклориста А. К. Микушева. На основе его противоречивой работы они делают положительное для себя умозаключение: «Указанные лингвистами и фольклористами даты взаимопроникновений языка и устного творчества угров и пермяков можно сопоставить с порой сменой угров финнами (пермянами) в Прикамье, когда взаимные контакты были наиболее активны» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 13]. Представляется, что авторы невнимательно читали работы А. К. Микушева, который пришел к следующему выводу: «Рассмотренный выше пласт пермско-угорских контактов, сюжет о юноше – медведе – борце, отразивший общие тотемные воззрения древних предков пермян и угров, сложился, по-видимому, у тех и других народов самостоятельно и сравнительно поздно. Вероятно, это произошло после расселения угров и пермян, но при том до распада или, во всяком случае, накануне распада пермской языковой общности» [Микушев, 1982, с. 179]. В более ранней своей работе А. К. Микушев рисует полное доминирование коми-зырян в медвежьем культе у манси: «Характерно, в мансийских песнях юноша, побеждающий зверя, оказывается охотником-зырянником... Зырянин убивает зверя и устраивает пышный медвежий праздник в его честь» [Микушев, 1973, с. 21]. В связи с этим очень интересны наблюдения М. А. Кастрена, опубликованные в редком издании, на которое ссылается Н. Д. Конаков: «У обдорских остяков я видел даже маленькие изображения этого зверя, вылитые из меди и чествуемые как кумиры. По преданию, эти изображения перешли сюда давно от пермяков и зырян, которые также поклонялись медведю» [Конаков, 1983, с. 196]. Таким образом, и в фольклоре мы не видим никаких фактов, свидетельствующих о мифической смене в Западном Приуралье угров пермскими финнами.

В заключение главы авторы вводят в историографию термин «современный пермский автохтонист» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 16], которым они наградили в свое время одного из авторов настоящей рецензии: «...дабы объяснить читателю первые фразы из статьи А. Ф. Мельничука с соавторами ...которые по своему строю являются заявлением о личной преданности авторам идеям “пермского автохтонизма” и должны настроить читателя на отрицательное отношение ко всем, кто эти идеи подвергает сомнению» [Белавин, Крыласова, 2009, с. 119]. Мы хотели бы обратить словесную конструкцию об «отрицательном отношении ко всем... кто идеи подвергает сомнению» к авторам созданного труда, которые тщательно подбирают непроверенные и даже недостоверные факты, полностью игнорируя капитальные труды историков и археологов Приуралья, выводы которых не соответствуют амбициозным построениям наших уважаемых коллег (В. Н. Шишонко, А. А. Дмитриев, М. В. Талицкий, А. П. Смирнов, А. В. Збруева, В. А. Оборин, Р. Д. Голдина, Э. А. Савельева, Ю. А. Поляков, В. В. Напольских, С. К. Белых и т.д.). Кстати, а к какому лагерю «пермских автохтонистов» или «угорских фундаменталистов» следует отнести одного из авторов книги В. А. Иванова, который в одной из своих последней статей, соглашаясь с Р. Д. Голдиной о границах восточно-финского этнического массива в Среднем Приуралье, заключает, «что первая половина I тыс. н. э. протекала при выраженной восточно-финской этнокультурной доминанте» [Иванов, 2009, с. 68]. Для него А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова предложили более мягкий термин – «традиционалист» [Там же, с. 61].

Авторам рецензируемого труда следовало бы обратиться к каноническим истокам «угорской» концепции, выраженной в трудах ее столпа В. Н. Чернецова. В. Н. Чернецов (цитируем по Г. Н. Матюшину) на международном финно-угорском конгрессе в Будапеште в 1963 г., разбирая

этногенетические проблемы на Урале в эпоху неолита и энеолита, отметил, что «уральцы, проникшие в среднюю фазу горбуновской стадии в Западное Приуралье, в дальнейшем расселяются по Каме и, возможно, сменившись с едва ли многочисленным населением Камского позднего мезолита, создают культуру камского неолита. Выделение камской неолитической культуры и *знаменует собой выделение финно-пермской ветви из недифференцированной до того массы древних финно-угров*» (курсив наш. – А. М., Г. Ч.) [Матюшин, 1976; Чернецов, 1963, с. 285]. Уважаемые коллеги, разберитесь, пожалуйста, с «угорской фундаментальной» историографией.

Авторы утверждают, что «впервые мысль о возможной принадлежности «чудских» древностей не древним уграм, а коми, была высказана географом и историком И. Я. Кривошековым, одним из ярких представителей нарождающейся в это время, «автохтонистской», по мнению создателей книги, коми-интеллигенции [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 15]. Ссылки снова нет. Однако авторы лукавят. И. Я. Кривошеков был явно не одинок. Его позицию еще ранее определили В. Н. Шишонко [Шишонко, 1884, с. 91–92] и А. А. Дмитриев. Приведем достойное заключение А. А. Дмитриева по поводу статьи Ф. А. Теплоухова «Древности Пермской Чуды в виде баснословных людей и животных» [Теплоухов, 1893]: «Особенно рискованным кажется положение, будто «Пермская Чудь была Угорским племенем. Зачем же называть тогда эту Чудь Пермскою? В письменных памятниках Пермь упоминается уже в XI в. там же, где мы знаем ее и впоследствии, будучи всегда окружена народами Угорского племени, и русский народ словом Чудь безразлично называл всех чуждых аборигенов страны Пермской и Угорской групп народов и доселе не отличает Пермской Чуды от Угорской... Выводы, по которым пришел он в своих предыдущих работах о Пермской Чуды... формулированы определеннее, а последние заключения по тому же предмету нельзя не признать преждевременными, по несогласию их с письменными источниками, с которыми археолог должен сообразоваться более» (курсив наш. – А. М., Г. Ч.) [Дмитриев, 1894, с. XI]. Мы думаем, меткое пожелание А. А. Дмитриева следует адресовать авторам рецензируемой книги.

Примечания

¹ РГБ. Ф. 256. Д. 308. Л. 31.

² ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2365. Л. 544.

³ Переписная книга Соликамского уезда вотчин именитого человека Г. Д. Строганова. Переписи дьяка Сибирского приказа Алексея Никеева // РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2119. Л. 369.

Библиографический список

- Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
 Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2.
 Алексеев В. П. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
 Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Казань; М., 2006.
 Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935.
 Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд. дом БГПУ, 2009. 285 с., 79 ил.
 Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008.
 Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа // Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермь, 2009.
 Белавин А. М., Старков А. В. Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997.
 Белых С. К. Чудь в этнической истории пермских народов // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996.
 Власова И. В. Заселение Северного Приуралья и формирование русского сельского населения // На путях из Земли Пермской в Сибирь. М., 1989.
 Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958.
 Глинских Г. В. О принципах и методах исследования субстратной топонимии // Методы топонимистических исследований. Свердловск, 1983.
 Глушков И. Чердынские вогулы. М., 1900.

- Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 94. М., 1961.
- Грибова Л. С.* Культ «древних» у коми-пермяков. М., 1964.
- Дмитриев А. А.* Пермская старина. Вып. V. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь, 1894.
- Дьени Г.* Протовенгры на Урале в I тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007.
- Жеребцов И. Л., Королев К. С.* Климатический фактор в истории коми // Научные доклады. Вып. 425. Сыктывкар, 2000.
- Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Житие преподобного Трифона Вятского чудотворца на вотском языке. Казань, 1900.
- Зыков А. П., Кокиаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В.* Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.
- Иванов В. А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермь, 2009.
- Исхаков Д. М.* К вопросу об «остяцком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.
- Исхаков Д. М.* От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998.
- Каган М. Д.* Житие Трифона Вятского // Словарь книжности и книжников Древней Руси. XVII в. СПб., 1992. Ч. 1.
- Керт Г., Мамонтова Н.* Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982.
- Конаков Н. Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
- Кривошекова-Гантман А. С.* К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь, 1976.
- Крылов П. Н.* Вишерский край: Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Заметки из путешествий по Пермской губернии в 1870–1878 гг. Свердловск, 1926.
- Куббель Л. Е.* Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
- Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.
- Курлаев Е. А.* Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ // Уральский исторический вестник. Вып. 4. Екатеринбург, 1994.
- Лашук Л. Н.* Формирование народов коми. М., 1972.
- Лимеров П. Ф.* Предания о чуди в контексте космогонических представлений // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского севера. Сыктывкар, 1996.
- Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времен первых исторических известий о них до XIX в. Ижевск, 1999.
- Лыткин В. И.* К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л., 1963.
- Малолетко А. М.* Палеотопонимика. Томск, 1992.
- Матвеев А. К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.
- Матвеев А. К.* Историко-этимологические изыскания. Из опыта изучения северно-русской топонимики на -нга // УЗ УрГУ. Вып. 36. Свердловск, 1960.
- Матвеев А. К.* К проблеме происхождения севернорусской топонимии // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1964.
- Матвеев А. К.* О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // УЗ ПГУ. № 191. Пермь, 1968.
- Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Мельничук А. Ф., Коренюк С. Н.* Проблема отражения процесса христианизации населения Перми Великой в погребальных комплексах XV–XVIII вв. // Христианизация коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996.
- Микушев А. К.* Связи пермских и угорских народов в их эпосе // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-востока Европы. Пермь, 1982.
- Микушев А. К.* Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.
- Напольских В.* «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждение и реальность // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002.

- Напольских В. В.* Батыр пездэт (богатырский отпор): кто есть ху? [электронный ресурс]. URL: www.udmurt.info/libraru/napolskikh
- Напольских В. В.* Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут, 2007.
- Напольских В. В.* Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья [электронный ресурс]. URL: www.udmurt.info...
- О местах жительства и образе жизни вогул. Пермь, 1889.
- Оборин В. А.* Географические названия на -КАР, -ГОРТ, -ЫБ древних памятников (ретроспективный анализ) // Лингвистическое краеведение Прикамья. Вып. 3. Пермь, 1976а.
- Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990.
- Оборин В. А.* Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь, 1976б.
- Осинская писцовая книга Палицына и Аристова 1596 г. // Дмитриев А. А. Пермская старина. Материалы. Вып. VIII. Отдел II. Пермь, 1900.
- Остроумов И. Г.* Вогулы-манси // Материалы по изучению Пермского края. Вып. 1. Пермь, 1904.
- Пастушенко И. Ю.* Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском поречье во второй половине XVI – первой половине XVII в. // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск, 1993.
- Полякова Е. Н.* К истокам пермских фамилий. Пермь, 1997.
- Полякова Е. Н.* Проблема пермской чуди в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь, 1976.
- Полякова О. В.* К вопросу о расселении угров на Западном Урале в средневековье и новое время // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I–II. Пермь, 2001.
- Рамазанова Д. Б.* Некоторые вопросы истории формирования пермских татар // Пермские татары. Казань, 1983.
- Розен М. Ф., Малолетко А. М.* Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986.
- Смирнов И. Н.* Пермьяки // Известия общества АИЭ при Казанском университете. Т. 9. Вып. 2. Казань, 1891.
- Смирнов Ю. И.* Предания Европейского Севера о чуди // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972.
- Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.
- Спицын А. А.* Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Древнейшая судьба Вятской области. Вятка, 1889.
- Теплоухов А. Ф.* О происшедшей некогда смены угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // УЗ ПГУ. Том XII. Вып. III. Пермь, 1960.
- Теплоухов Ф. А.* Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1893.
- Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Отдел II. Вятка, 1905.
- Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
- Чагин Г. Н.* Коми-язьвенские пермяки – древний народ Северного Урала. Красновишерск, 2001.
- Чагин Г. Н.* Пермь Великая в топонимистических доказательствах. Пермь, 2004.
- Чагин Г. Н.* Этническая территория коми-язьвинцев в XV – начале XXI в. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 2007.
- Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995.
- Чернецов В. Н.* К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угоро-самодийской) общности // Congress Internationale Fenno-Ugristarum. Budapest, 1963.
- Чурина И. О.* Культ православного святителя финно-угорских племен преподобного Трифона Вятского как историко-культурный феномен: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
- Шшионко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая с 1695–1701 г. Пермь, 1887.
- Шшионко В. Н.* Пермская летопись. Четвертый период с 1676–1682 г. Пермь, 1884.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.11.2010